

Мейсхон АБДУЛЛА

Светлой памяти мейсхона, павшего во время трагедии в Ходжалы, посвящается

Немного погодя показались две военные грузовые машины. Они дошли до оврага и остановились. Всех пленных загнали к машинам. Когда я схватила сестру за руку и потащила к машине, один из вражеских солдат оттянул нас в сторону и что-то сказал своему командиру. Офицер повернулся к нам и улыбнулся.

Наших загнали в машины. Мы тоже хотели поехать с ними, чтобы не отрываться от своих. Мы не хотели оставаться на морозе и замерзнуть.

Когда мы хотели сесть в машину, армянин шепнул нам:

- Куда сестусь? Не знаете куда их везут? И не дожидаясь ответа, продолжил:

- Их раздают по казармам, где служат солдаты.

Услышав нас, мы отошли на несколько шагов назад.

Двоих наших солдат они так и не смогли загрузить в машину. Они так замерзли, что не было сил шагать. Армянский офицер взял пистолет и застрелил одного из них. Пленный упал лицом в снег. А другому пленному надели веревку на шею и привязали к машине. Когда машина двинулась, он повисал на пол, как дерево, выдернутое с корнем, и тащился за машиной, пока она не скрылась.

Остальные два армянина собрали разбросанную по сторонам одежду и велели нам сесть на этой гряде одежды, а сами открыли сумки, которые были у них на плечах, и достали оттуда колбасу, консервные банки, варенные яйца, две бутылки водки и положили перед собой.

Хотя мы и были голодны с вечера, до их продуктов так и не дотронулись. Разве в такое время было до еды? А они ели, как голодные волки. Они увидели, что мы сидим тихо, и один из них сказал:

- Ешьте, ешьте, что вы церемонитесь? Вы же голодны, как собаки.

Затем один из них налил в стакан водку, протянул нам и сказал:

- Возьмите, выпейте. Вижу, что замерзли и умираете от холода. Пусть станет теплее.

Ни сестра, ни я не дотронулись до стакана с водкой. Мы покочили головой и тем самым постарались им обидеть, что мы не пьем.

Но они не отставали. Один из них схватил сестру за горло, засунул пальцы ей в рот и заставил открыть рот. Как только она открыла рот, он налил целый стакан водки ей в глоток. Бедной девочке было так плохо, что ее затопило и, ослабея, она легла на снег. Потом они взяли за меня. Я попросила их не трогать нас. "Мы в течение этих двух дней потеряли мать, и отца", - сказала я им.

Они были пьяны и им не было никакого дела до моих слов. Они даже слышать меня не хотели.

- Это же прекрасно, что ваши родители умерли! - говорили они, глупо смеясь.

- Надо бы по этому поводу выпить, - сказал один из них и проделал со мной то же самое, что с сестрой. Он налил полный стакан водки мне в рот.

Каждую из нас таким образом два раза напоили. Мы впервые пробовали водку. Они были очень пьяны и выли как волки. Я предчувствовала, что они с нами будут обращаться очень плохо. Поэтому, пока они не совсем выжили из ума, я их просила и умоляла отступить нас. А армяне, моргая друг другу, издевались над нами.

- Ну что, Сурен джан? Отпустим их, пусть уходят, жалко же их? - говорил один из них.

А другой, кривя лицом, тоже издевался над нами:

- Да, Мартирос джан, правильно говорят джигиты. Давай отпустим их, пусть уходят. Пусть побегут везде расскажут, что они выпили с двумя смельчаками армянами, но оказываются ни один из них не был мужчиной, чтобы похвалиться с ними.

Армянин по имени Сурен тоже подтвердил его слова:

- Ты прав, дорогой, я как-то об этом не подумал, - сказал он.

Мы очень сильно возмущались и не знали, как себя вести. Единственное, что я знала, что жадать от этих подонков чего-то хорошего было бы глупо. И еще я знала, что мы не сможем спастись от них. Они обязательно понаблюдают над нами и убьют. "Если итогом всего этого является смерть, то почему мы должны умереть неосторожно?" - подумала я.

Я очень беспокоилась за сестру.

Она скорее всего не думала так, как я. Она просто очень боялась. Когда человек знает, что ему предстоит жить всего две минуты, он все равно не теряет надежды и думает, что может быть выживет. Но у нее же все решило. Чем делать то, что предлагали армяне, мы предпочли бы умереть. Тогда и души наших родителей были бы спокойны. "Приди же к единому решению. Нурица, пока не поздно!" - думала я про себя.

Армяне стали раздвигаться прямо на равнине. По их мимике можно бы-

НЕОБЫЧНАЯ

ло догадаться, что они даже нас распределили между собой. Из-за того, что они еле стояли на ногах, иногда теряли равновесие и падали на снег.

Я посмотрела на сестру. Она была очень напугана и смотрела на меня безумными глазами. Я нагнулась к ней и шепнула:

- Сабина, вставай! Бежим!

Сестра как будто ждала этих слов. Она быстро вскочила на ноги и, не дожидаясь меня, побежала. Я тоже побежала. Чтобы армяне не смогли стрелять в нас, я потащила за собой автоматы, валяющиеся на груде одежды. Скоро я поняла, что с такой тяжестью мы далеко не убежим. Автоматы были очень тяжелыми и мешали нам бежать. Поэтому один из них я откинула в сторону, а другой продолжала тащить за собой. Сестра бежала вперед, а я за ней. От водки, которой нас напоили армяне, сильно кружилась голова. Я кажется была по-настоящему пьяна. У сестры положение было хуже, чем у меня. Бедная девочка почти ползла по снегу.

Армяне, которых не ожидали от нас толпы, были растеряны. Сначала, не понимая, что происходит, они озирались по сторонам. Потом, придя в себя, пустились за нами. Они бежали за нами, как рыскающие собаки. Хотя мы немного отделились, но думать о том, что мы спаслись, было рано. Мы были так перепуганы, что ни о чем другом и думать не могли. Мы думали только о том, как убежать и спасти свою жизнь. Сестра очень устала. Несмотря на свое ужасное состояние, я взяла ее за руку и помогала бежать. Я молилась Аллаху, чтобы с ней ничего не случилось.

У нее буквально сердце разрывалось.

- Не бойся, сестра, не бойся. Мы уже достаточно отделились от них. Если мы еще немного побегим, они нас не догонят, - говорила я, чтобы хоть как-то успокоить ее.

Она молча посмотрела на меня. Я впервые в своей жизни видела такие, наполненные страхом и ужасом, глаза.

Нам удалось хоть и не на много, но отделиться от армян. Я видела, как они утонули в снегу, бежали за нами. У одного из них кажется был автомат. "Сволочь! Успел взять оружие!" - выругалась я.

Когда внезапно свист пуль прошел прямо мимо наших ушей, мы поняли, что находимся лицом к лицу со смертью. Когда свист пули послышался во второй раз, мне показало, что кто-то ушибнул меня за плечо. Кусок от моего пальца оторвался и

упал на снег. Я поняла, что пуля задела меня и я ранена.

Чтобы не показать это сестре, я даже не пикнула. Когда через некоторое время я почувствовала как-то тепло течет у меня подмышкой, я поняла серьезность моей раны.

Еще со средней школы из уроков военной подготовки я немного умела обращаться с оружием. Однажды даже нас научили стрелять из автомата. Поэтому я взяла автомат, нацелилась на армян и нажала на курок. Пули расщепились вокруг. От того, что я и так еле стояла на ногах, я стреляла куда попало. Армянин, который шел вперед, дико заорал и тут же свалился лицом вниз на снег. Пули в автомате закончились и поэтому нечего было его грузить на себя. Я беспокоилась о том, что не смогу далеко убежать раненой. Мне становилось все хуже и хуже. В 5-6 метров левее от нас тянулись скалы. Мы как раз бежали параллельно этим скалам. Из-за того, что я была ранена, и из-за того, что это положение не могло продолжаться долго, я подумала, что нам надо броситься с этой скалы. Все равно у нас другого выхода не было. Или они нас застрелили бы нас или же мы устали и попали бы к ним в руки. "Самое лучшее - броситься отсюда вниз. Если останемся живыми хорошо, а если умрем еще лучше", - подумала я. Нельзя было терять время, потому что в любой момент мы могли упасть под какую-нибудь из свистящих рядом с нами пуль. Поэтому я потянула сестру за руку и сказала:

- Закрой глаза. Мы бросаемся отсюда.

Сестра и так была не в себе, поэтому я тащила ее за собой, как кусок мяса.

С вершины скалы его основание не было видно. Мы закрыли глаза и прыгнули. Кажется, что мы летим по воздуху. Эта пропасть оказалась глубже, чем я думала.

Свалившись в кусты, я кувыркнулась и обраловалась, что осталась жива. Я открыла глаза и посмотрела вокруг. Крутым было запутанные друг в друга кусты. Я не верила в то, что осталась жива. Я посмотрела по сторонам в поисках сестры. Она лежала на спине недалеко от меня. Я ползла к ней и, увидев кровь около ее рта, закричала. Сестра ударилась о большой камень на земле и он расскел ей голову. Я обняла ее и прижала к груди. Она не дышала. Как больно было мне терять в течение двух дней дорогих и родных мне людей! Я стала бесцельно от такого горя. Я

СКУЛЬПТУРА...

уже не боялась смерти. Если бы я так же, как и сестра разбилась бы о камень, то это было бы для меня самым хорошим подарком. Я боялась только одного, попасть к врагам и быть убитой. Пока я не утонула под каку-то шальную пулю, этот страх преследовал меня.

Сверху были слышны голоса. Я приподняла голову, но из-за густоты кустов ничего не было видно. Левое плечо меня очень беспокоило. Я вытащила из кармана пальто платок и приложила к ране. Рана не была глубокой, но кажется была задета кость плеча.

Я попыталась отыскать в кармане пальто сестры что-то как память о ней. В кармане у нее оказались наши ключи от дома. Я взяла ключи и, немного повертев в руке, положила их в карман. В боковом кармане пальто сестры было что-то аккуратно завернутое в бумагу. Я открыла и посмотрела. Это была фотография нашего соседа Эльмана. Они вместе учились. В прошлом году вражеский снайпер убил его выстрелом прямо в сердце. На обороте фотографии был написан стихик, написанного Эльманом.

Я подержала фотографию немного в руках. Пронзительный взгляд Эльмана был нацелен прямо в мои глаза. Я даже перепугалась. Я тихо положила фотографию на грудь сестры.

Надо было уходить отсюда, потому что сверху иногда раздавались выстрелы. Пули ударялись далеко от меня, о другую сторону скалы и их звук злом отдавался вокруг.

Я обняла леванное тело сестры прижала к груди и много раз поцеловала ее еще детское личико. В эти минуты она мне казалась еще ближе, еще роднее. Подумав о том, что я ее покидаю навсегда, я горько заплакала.

Я не могла задерживаться. Я приподняла воротник пальто сестры, прикрыла ее лицо и удалилась отсюда. Пройдя через кусты, я спустилась прямо к подножию скалы и залезла в текущую там воду. Вода здесь была выше пояса. Я собрала все силы и начала лгати по воде вниз к оврагу. Вдруг сзади послышался грохот. Когда после этого грохота я увидела падающие на мои осколки камней, я поняла, что армянин, идущий за нами, бросает в то место, где мы были, гранату.

Несмотря на то, что я шла по ледяной воде, холода я не чувствовала. Хотя и было ужасным то, что сделали армяне, насильно влив мне в горло воду, сейчас я ощутила пользу от этого. Я шла не останавливаясь и

пошла довольно много. Я проходила через такие места, что в обычное время это было бы невозможно. Камни, непроходимые кусты раскрывали всю мою одежду. Иногда я попадала в такие глубокие места, что ледяная вода доходила прямо до горла. Все мое тело находилось в ледяной воде. Но я была рада, что убегала от смерти. Я радовалась, что от целой семьи хоть кто-то остался жив.

Я дошла до такого места, откуда уже нельзя было идти дальше. Вперед была широкая река. Переплыть такую реку я не могла. Выйти в сторону было опасно я могла столкнуться с проблемой. Поэтому надо было немного потерпеть и подождать. Я ждала около двух часов и дождалась темноты, чтобы выйти отсюда. Все мое тело замерзло. Ноги были совершенно бездейственны. Снег не переставал падать. Как только стемнело, здесь стало очень темно из-за того, что это был овраг. Я допрыгнула до берега реки. Я не знала, где нахожусь. Издалека виднелся слабый свет. Я лежала лицом вниз на снегу и хотела встать на ноги, но не могла. Не было сил. Мне хотелось спать... После душевных мучений мне так хотелось спать... Я больше ничего не боялась. Я знала, что если я усну, то замру и умру... Но мне очень хотелось выспаться перед смертью...

Когда я открыла глаза, увидела себя на кровати, а над моей головой врача в белом халате, то вздрогнула. Я старалась вспомнить где я и как я сюда попала. "Может быть, я попала в плен", - подумала я и стала озираться по сторонам как сумасшедшая.

Врач, поняв мое беспокойство, спокойно сказал:

- Успокойся дочка, тебе нельзя двигаться. Этот голос мне показался

очень родным, словно материнская колыбельная. Сердце так дрожало. Я не выдержала и заплакала.

Врач постарался меня успокоить: - Возьми себя в руки. Хорошо, что ты наткнулась на своих, а то...

После того как я услышала эти слова, я немного успокоилась. Руки у меня были на месте. Я чувствовала жжение в коленях и протянула руки к ногам. Обеих ног ниже колена не было... Я посмотрела врачу в глаза. Он ожидал, что я начну кричать и ругаться и проклинать его. Я молчала.

Врач увидел, как я тихо спокойно и молча смотрю на него, немного осмелел.

- Дочка, у нас другого выхода не было. Очень опоздали. Если бы еще немного опоздали, мы и тебя бы потеряли. Я тоже очень сожалел, что не смог спасти твои ноги. Будь терпеливее. Это война. Это с каждым может случиться. Что теперь делать? Мы должны как-то терпеть... - сказал он и нежно погладил мою руку.

Я хорошо понимала врача. Он хотел сказать, что живой Ойдиран Ахлаха, что остался инвалидом. И он был прав.

Мы оба молчали. Потом я посмотрела ему в глаза и сказала:

- Доктор, а где мои ноги? Прошу вас, если можно, пусть их принесут.

Врач удивился услышанному и посмотрел на меня, выпучив глаза:

- О чем ты говоришь? Какие ноги? Это же невозможно! И потом зачем они тебе эти ноги?

А я спокойно повторила:

- Прошу вас, скажите, чтобы принесли мои ноги.

- Это может на тебя очень плохо подействовать. Ты с ума сойдешь, дочка. Я впервые слышу это от своего больного. Нет, нет, это невозмож-

но. Успокойся, все пройдет, - говорил врач, почти умоляя меня.

- Чего мне бояться? - сказала я, - все то, чего я боялась, осталось позади. Я не испугалась, когда сотни невинных людей были расстреляны перед моими глазами. Духиразрушающая трагедия, случившаяся с моими отцом, матерью и младшей сестрой, произошла перед моими глазами. Я тоже не испугалась. Я, как одинокий волк, всю ночь буждала по скалам и оврагам и тоже не испугалась. Теперь вы говорите, что при виде двух безжизненных ног я испугалась? Не беспокойтесь за меня. Я в течение этих двух дней пережила то, что может человек пережить за несколько лет. Прошу вас, пусть принесут мои ноги. Я хочу их видеть. Не беспокойтесь, я не испугалась, - сказала я.

Врач молча смотрел на меня и чувствовалось, что он расстроился. Он спокойно вышел из палаты и через некоторое время зашел с двумя завернутыми в белый материал ногами. Он положил их мне между рук и отошел.

Я с трудом приподнялась в постели, прикрыла покрытые белым материалом ноги. Обсвоенные ноги напоминали необычную скульптуру, вылепленную умелым скульптором. Они были холодные, как лед. Я обняла их и поцеловала. А потом, не отрывая взгляда от них, сказала врачу:

- Доктор, эти ноги обретали мою честь и достоинство, они помогли мне выжить, чтобы души моих родителей и сестры покоились с миром.

Я в долгу перед ними за все это. Я в долгу перед ними, потому что я единственная из всей погибшей семьи могу сохранить тепло очага дома, у которого могут обрести покой блажающие души моих близких. Может быть после всего этого я никому не буду нужна, но я рада, что в праздничные дни, чтобы помнать своих близких, я буду способна хотя бы зажечь свечку. Эти ноги покрывали собой не только ради меня, но и ради части одной семьи и даже народа. Поэтому я им признательна и в долгу перед ними.

А теперь, прошу вас, похороните их в таком месте чтобы я могла посещать их время от времени.

Врач отвернул от меня прослезившееся лицо, тихо подошел ко мне и взял у меня ноги.

Как будто у нас обоих с плеч сошел тяжелый груз...

После того, как врач ушел, я приподняла занавес на окне и посмотрела на улицу. На улице хлопьями шел снег. Крутом все было покрыто белым снегом. Крыши домов, камни, все было белым-бело. Казалось, что черного цвета вообще не существовало на свете... Кроме своего тела, что накопилось в моем сердце...